

УДК 940.2(045)

*Ю.Е. Ивонин***ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ**

Освещаются последние годы жизни великого австрийского полководца и политического деятеля принца Евгения Савойского. Рассматривается его деятельность как военного и политика, характеризуется круг его интересов и друзей.

Ключевые слова: Евгений Савойский, гофкригсрат, Габсбурги, дипломатия, меценатство.

Знаменитый полководец и государственный деятель Австрии принц Евгений Савойский (1673–1736) в последние десятилетия жизни приобрел репутацию «короля учтивых людей» или «короля людей чести», которой он очень дорожил. Наполеон считал его одним из семи величайших полководцев в мировой истории, наряду с Александром Македонским, Ганнибалом, Гаем Юлием Цезарем, Густавом II Адольфом, Тюренном и Фридрихом II Прусским. Он также известен как председатель придворного военного совета (Гофкригсрат), который занимался организацией военных операций Австрии, как руководитель дипломатической службы Вены, наконец, как меценат, собиратель книг и рукописей.

Политическая жизнь в Вене редко была стабильной, вероятно, как и во многих европейских столицах того времени. Очередное изменение в настроениях императора Карла VI (1711–1740) привело в 1726–1727 гг. к тому, что закатилась звезда австрийского обергофканцлера графа Филиппа Людвиг Зинцендорфа и вновь усилились симпатии императора к Евгению Савойскому. В духе времени принц постарался назначить на важные дипломатические посты преданных ему людей. Другим направлением его внешнеполитической деятельности было создание сети тайной дипломатии и осведомителей при европейских дворах, которые снабжали главу венской дипломатии разнообразной информацией. Созданную им систему тайной дипломатической переписки и ее шифровки считали одной из лучших в Европе, она позволяла получать вполне достоверную информацию, свободную от фальсификаций. Важным новшеством было также стремление принца подписывать договоры в Вене, а не за рубежом, что увеличивало вес Хофбурга в европейских делах¹.

Сближение Вены с Берлином и Петербургом, «союз трех черных орлов», и ее дистанцирование от Испании породили опасения в Лондоне относительно возможного военного конфликта. В Версале стали преобладать симпатии к Мадриду и некоторая холодность в отношении к Лондону. Рождение дофина от брака Людовика XV и Марии Лещинской в 1729 г. означало, что Франция становилась менее зависимой от позиции Британии и более склонной к соглашению с Испанией, так как испанские Бурбоны не могли теперь претендовать на французский трон. В результате английский премьер-министр Тауншенд, который ориентировался на союз с Францией и Голландией, был отправлен в отставку, поскольку его политика была сочтена дорогостоящей и опасной с точки зрения возможной новой войны. В мае 1730 г. к власти пришел Роберт Уолпол, установивший прямые контакты с Хофбургом, чтобы заключить новый антифранцузский союз. Уолпол понимал, что за согласие с прагматической санкцией Вена примет английские предложения. Евгений Савойский счел их отвечающими австрийским интересам, поскольку опасался, что Австрия может оказаться в изоляции. Подписание договора произошло благодаря усилиям Евгения Савойского – это был второй венский договор от 16 марта 1731 г. Однако после того как сейм Речи Посполитой предложил кандидатуру французского ставленника Станислава Лещинского, тестя Людовика XV, в качестве польского короля, Австрия, Пруссия и Россия поддержали кандидатуру законного сына Фридриха Августа II Сильного (польский король Август II в 1697–1733 гг.), нового курфюрста Саксонии Августа III Фридриха. Его поддержала также Англия. Русские войска двинулись к польской границе, а австрийские были посланы в Силезию. В сентябре 1733 г. сейм избрал королем Станислава Лещинского. В ответ русские войска вошли в Польшу, и новый сейм согласился избрать Августа III, но Франция объявила войну императору как союзнику России и Саксонии, хотя австрийцы и не входили в Польшу. Французы захватили Лотарингию и крепость Кель на Рейне, а также при поддержке Карла Эммануила Савойского заняли Ломбардию. У Карла VI возникла идея брака между герцогом Францем Стефаном Лотарингским, будущим императором Францем I, (1745–1765) и его дочерью Марией Терезией, чтобы дальше претендовать на Лотарингию. Последствия вмешательства в польские дела оказались серьезными. Такова была

«мечь» французского министра иностранных дел, престарелого и многоопытного кардинала Эржуля де Флери, за неудачу Франции в Польше. Евгений Савойский был обескуражен, так как его дипломатическая система не выдержала испытания на прочность. Только к концу года ландтаги наследственных владений Габсбургов согласились предоставить дополнительные войска².

В 20-е гг. происходит окончательное сближение Евгения Савойского с Фридрихом Карлом фон Шенборном, объясняемое не только интересом обоих вельмож к архитектуре и парковому искусству, но и ухудшением отношений между принцем и гофканцлером графом Филиппом Людвигом фон Зинцендорфом. Впрочем, британский посол в Вене Сент-Сафорин находил еще одну причину, а именно влияние женщин, точнее двух знатных дам, в обществе которых любил находиться Евгений Савойский – графини Элеоноры Баттьяни и ее овдовевшей родственницы графини Элеоноры Штратманн. В этот круг еще раньше вошел Фридрих Карл фон Шенборн. Общение с духовно богатым и общительным имперским вице-канцлером помогло Евгению преодолеть прежние антипатии к Шенборну и дало принцу возможность понять задачи и проблемы имперской администрации. Не исключено, что именно поэтому он был сторонником разрушения идеи союза Пруссии с Англией, вследствие чего возник план женитьбы прусского кронпринца Фридриха (будущего короля Фридриха II) и Елизаветы Брауншвейгской. В то время отец кронпринца прусский король Фридрих Вильгельм I еще ориентировался на Вену. Когда в 1730 г. курфюрст Саксонский и король Польский Август Сильный (Август II) предложил ему создать союз князей без императора, прусский король ответил, что ценит дружбу с Августом, но только смерть разлучит его с императором³.

Стоит отметить один любопытный эпизод в отношениях Вены и Берлина. Именно для того, чтобы будущий прусский король не стал врагом императора, его ментор Эрнст Кристоф фон Мантейфель, по происхождению саксонец, использовался Евгением Савойским как доверенный агент при прусском дворе, много сделавший для сближения прусского короля с императором⁴. Увы, Фридрих II стал главным соперником Вены в имперских делах, стремясь установить равновесие в отношениях Пруссии с Австрией и укрепить положение своего государства на европейской арене. Евгению удалось не допустить сближения Пруссии с Ганновером и соответственно с Англией. Таким образом соблюдалось выгодное для Вены равновесие сил в борьбе против союза морских держав с Францией, тем более что канцлер новой российской императрицы Анны Иоанновны Остерман проводил благоприятную для венского двора внешнюю политику, а Османская империя в это время имела сложные отношения с Персией. Подозрения относительно целей Ганновера и Англии ослабить Империю не покидали принца и приводили его к мысли о необходимости связать руки ганноверской династии, что и привело к заключению уже упоминавшегося венского договора 16 марта 1731 г. Это в некоторой степени создавало барьер для попыток кардинала Флери изменить баланс сил в пользу Франции и предотвращало новую войну. Евгений Савойский, будучи принципиальным противником Франции, стремился проводить линию на расширение союзных отношений с Пруссией, Россией, Данией, Швецией и рядом германских территориальных государств в целях создания противовеса Франции, поскольку до конца жизни опасался, что морские державы могут пойти на подписание с ней мира, как это было в конце войны за испанское наследство, и оставить Австрию в изоляции. Действовавший в этом духе в Берлине венский дипломат Зекендорф получил свободу рук, практически не имея подробных инструкций⁵.

Если на дипломатическом поприще во многом благодаря своей славе полководца Евгений Савойский имел до поры до времени определенные успехи, не считая провала в начале войны за польское наследство (1733–1735), то во внутренних делах, там, где требовались постоянная рутинная работа и изворотливость, он чувствовал себя менее уверенно. Блестящий полководец, «король учтивых людей», прекрасно чувствовавший себя среди военных и дипломатов, меценат, знаток архитектуры, любитель искусств, ценитель прекрасного и изящного, он не мог долго и тщательно разбираться в экономических выкладках, скрупулезно проверять счета и документы, детально обосновывать сложные экономические решения. Принимать решения экспромтом в боевой обстановке, совершить решительный прорыв, провести блестящую кампанию, уметь настойчиво «выбивать» деньги и солдат для военных операций – вот была его стихия. Разумеется, он был знаком с меркантилистскими теориями, о чем свидетельствуют его библиотека и выступления на заседаниях различных правительственных органов. Став к концу жизни одним из богатейших людей в австрийской монархии благодаря наследству, подаркам императоров и военной добыче, Евгений четко следовал главному принципу его учителя в военных делах Раймондо Монтекукколи: «деньги, деньги, и еще раз деньги». Сам он и его офицеры нередко содержали солдат на собственные средства, а в случае успеха взимали с населе-

ния контрибуции. Лозунг «война должна кормить войну» был для него не только лозунгом. Получаемые из Вены субсидии (в отличие от Англии, где парламент контролировал их использование) можно было расходовать без всякого контроля – на военные нужды или в карман полководца. Это было типично для того времени. Будучи мастером интриги, часто успешно противостоявшим направленным и против него интригам, в вопросах ведения войны он был несокрушим. Когда же необходимо было заняться реформами армии в мирное время, он оказался не способен позаботиться о ее финансовом обеспечении. Так что Евгений Савойский несет свою долю ответственности за упадок, в котором оказалась императорская армия в 20 – 30-е гг. XVIII в., как раз в то время, когда он в годы постоянной инфляции и увеличивавшегося налогообложения вложил огромные богатства в материальные ценности – поместья, дворцы, замки, горные промыслы, в коллекционирование предметов искусства, в библиотеку. Евгений Савойский мог особенно обогатиться после подавления восстания Ракоци, получив от Иосифа I конфискованное имущество мятежных венгерских дворян на сумму 300 тыс. гульденов, но не присвоил его, скорее всего не желая увеличивать свои владения в неспокойной Венгрии. На его средства строились крепости на юго-восточном фланге австрийских владений, дом инвалидов в Будапеште и т.д. Этот строительный бум, в который включились и другие австрийские вельможи, способствовал появлению множества дворцов и других красивых зданий в Вене, придавших ей неповторимый и особый облик⁶.

Но параллельно этому строительному буму стремительно росли расходы на армию, требовавшую значительной модернизации. Разница между налогами на военные нужды и действительными расходами все более увеличивалась. Если в 1700 г. государственный долг достиг суммы от 24 до 25 млн. флоринов, то в 1740 г. он равнялся 48 млн. флоринов. Налоги на содержание армии находились на отметке около 12 млн. флоринов, а расходы на уровне 32 млн. флоринов. Разница покрывалась за счет иностранных займов. В 1731 г. армия была сокращена на 50 тыс. человек, причем были уволены многие опытные офицеры и ветераны, что нанесло ущерб ее моральному духу⁷.

Постоянные войны и растянувшиеся границы требовали увеличения армии. Если в начале войны за польское наследство она насчитывала 120 тыс., то в 1740 г. – 157 тыс., а в 1775 г. – 174 тыс. Евгений Савойский без особого успеха пытался ограничить рост армии. Но главная проблема заключалась в том, что он ничего не сделал для реорганизации войск, и после его смерти это обернулось поражениями в Силезских войнах с Фридрихом II. Ни в административном, ни в военном отношении Австрия не была модернизирована, оставаясь функционирующим по старинке союзом сословно-представительных территорий, обладавших привилегиями и неохотно предоставлявших средства на военные нужды. Вообще страна, состоявшая из различных в этническом и культурном отношении частей, была своего рода федерацией, скрепленной лишь монархией, что постепенно увеличивало различия и накладывало отпечаток на попытки проведения административных и военных реформ⁸.

Не лучшим образом осуществлял Евгений Савойский в 1716–1724 гг. управление австрийскими территориями как генерал-губернатор или штатгальтер. В 1706–1707 гг. он был генерал-губернатором Милана, правил там в режиме чрезвычайного положения с помощью крайних мер и контрибуций, уступив затем свой пост герцогу Моденскому. Перед очередной войной с турками он стал штатгальтером австрийских Нидерландов, где сразу же столкнулся с тяжелой финансовой проблемой, когда государственный долг подвластной ему территории равнялся 20 млн. гульденов, а ежегодный дефицит казны составлял более 2 млн. гульденов. Меры, которые предпринимал его заместитель маркиз де Прие, в отличие от Евгения постоянно находившийся в Нидерландах, не оказались успешными и фактически привели к государственному банкротству. Последствия войны и хозяйничанья испанцев в Южных Нидерландах были весьма тяжелыми. Попытки де Прие экономить на различных статьях расходов привели к жалобам со стороны местной аристократии и чиновничества, в результате чего в Вене была создана возглавляемая Зинцендорфом и Гундакером Штарембергом комиссия, которая решила обвинить во всех неудачах де Прие, совершившего к тому же одну серьезную ошибку: он принял в Брюсселе бежавшего из Парижа известного финансиста Джона Лоу, прогоревшего на продаже акций компании Миссисипи. Сам Евгений Савойский этой компании не доверял, но подозрения в связи с ней падали на де Прие. Принц, главным занятием которого было командование австрийской армией, не мог позволить имевшим большое влияние и защищавшим интересы местной аристократии Испанскому и Нидерландскому Советам полностью управлять провинцией, но тогда он должен был бы переселиться в Брюссель. По существу должность штатгальтера была скорее синекурой, не дававшей значительных политических прав. Так или иначе его правление в Австрий-

ских Нидерландах закончилось почетной отставкой. Обвинения против него и де Прие были сняты, и в начале 1725 г. Евгений Савойский окончательно отбыл из Брюсселя в Вену⁹.

Между тем здоровье принца после достижения им шестидесяти лет стало ухудшаться. Начали сказываться постоянные походы, жизнь зачастую в неблагоприятных условиях, стрессы и простуды. Бесперывные интриги при венском дворе в борьбе за влияние на нерешительного и склонного прислушиваться к мнениям испанских и итальянских советников Карла VI также сделали свое дело. В 20-е гг. Евгений Савойский уже не мог вернуть себе того безоговорочного влияния, которым он пользовался между 1714 и 1718 гг. Наблюдательный дипломат Сент-Сафорин замечал, что принц неохотно включался в какую-либо напряженную работу и начал питать слабость к «лукулловым пирам». Кроме того, Евгений стал менее энергичен в решении задач, которые требовалось решать для улучшения положения Австрии, в результате чего итоги его усилий часто оказывались прямо противоположными его желаниям¹⁰.

Как уже говорилось, в начале 30-х гг. Австрия ввязалась в войну за польское наследство. Карл VI и российская императрица Анна Иоанновна поддержали в борьбе за польский трон Августа III Фридриха Саксонского в противовес поддерживавшемуся Францией графу Станиславу Лещинскому. Но дело заключалось в том, что политика венского двора в эти годы уже до такой степени была изменчивой, склонной к чередованию различных альянсов, что рано или поздно она должна была зайти в тупик. Наметились противоречия не только с Францией, но и с Испанией, королева которой хотела женить своего сына дон Карлоса на Марии Терезии. Начали ухудшаться отношения с Пруссией. Если в 1730 г. прусский король Фридрих Вильгельм I в ответ на предложение Августа Сильного создать союз князей против императора ответил, что только смерть разлучит его с ним, то теперь он начал склоняться к сближению с Францией из-за того, что Хофбург всячески препятствовал притязаниям Берлина на княжество Юлих-Берг, не желая усиливать второе по величине немецкое государство в Империи. Сам император колебался в определении внешнеполитического курса между советами Евгения Савойского и Зинцендорфа, которого нередко подкупали испанские советники Карла VI. Ранее друживший с Евгением Савойским его ровесник, но еще полный энергии, Гундакер Штаремберг стал от него отдаляться, а отставка Фридриха Карла фон Шенборна с поста имперского вице-канцлера еще более ослабила позиции Евгения Савойского. При дворе большое влияние начал приобретать граф Иоганн Кристоф фон Бартенштейн, игравший роль своего рода ушей императора. Продажность и неспособность Зинцендорфа были известны всем иностранным дипломатам, чем они беззастенчиво пользовались. В итоге австрийская политическая машина не могла предпринимать решительные и быстрые действия в критических ситуациях, а вести войну без иностранных субсидий вообще оказалась не в состоянии. Как результат война за польское наследство 1733–1735 гг. и турецкая война 1737–1739 гг. закончились для Австрии неудачами. Франция объявила войну императору и России 10 октября 1733 г. В Вене никто даже не подумал о том, что против Австрии может выступить франко-испанская коалиция. Надежды на финансовую помощь Англии и Голландии оказались малосостоятельными, из-за чего недовольство императора, около которого постоянно крутился Бартенштейн, обернулось как против Зинцендорфа, так и против Евгения Савойского¹¹.

Армия, во главе которой был поставлен уже недостаточно энергичный и подвижный принц Евгений, действовала на Рейне в 1734 г. без особой эффективности. В Италии австрийские войска потерпели поражение от франко-испанской коалиции. Российская армия пришла на помощь слишком поздно, когда уже все фактически решилось. В Вене по инициативе кардинала Флери были проведены переговоры, завершившиеся заключением предварительного мирного договора, согласно которому император потерял совсем немного, то есть сохранил владения в Северной Италии, даже приобретя Парму, но уступил Неаполь и Сицилию испанскому королю. Бывшее владение Марии Терезии, Лотарингия, досталась Станиславу Лещинскому, тестю Людовика XV. Оставшийся без владений герцог Лотарингский получил права на герцогство Тосканское. Неудачи австрийской армии во многом проистекали из недостатков ее организации, что лишний раз проявилось во время новой турецкой войны в союзе с Россией, в которой австрийцы потерпели поражение и потеряли Белград. Это был мощнейший удар по престижу Австрии. Впрочем, уже война за польское наследство показала, что Евгений Савойский был мало на что способен в последние годы жизни, а полководца подобного ему в его лучшие годы Австрия уже не имела¹².

Легкость, с которой французская дипломатия предложила Вене провести переговоры о заключении мира, объясняется не только хорошей осведомленностью о неудачах военных реформ Евгения,

но и тем, что в Париже ряд крупных политиков во главе с Флери уже с 1730 г. начал серьезно думать о сближении с Империей, опасаясь возможного установления тесных отношений между Веной и Лондоном, чего особенно добивался принц. Но его позиции ослабли, а провальное участие Австрии в войне за польское наследство французская дипломатия умело использовала для поллюбовного решения очередного австро-французского конфликта и подготовки дальнейших шагов в направлении сближения с Веной в целях противодействия Англии. Любопытно, что эти переговоры велись при непосредственном участии Евгения, настаивавшего от имени императора на безусловном признании Парижем Прагматической санкции. Переговоры застопорились из-за несогласия принца заключать брак Марии Терезии с герцогом Лотарингским Францем Стефаном (что произошло позднее), будущим императором Францем I. Недоверие Вены в отношении Версаля было довольно значительным, но так или иначе договор 1735 г. был заключен, став первым важным пунктом на пути сближения Франции и Австрии, приведшим затем к «ниспровержению альянсов» 1756 г. или, как его чаще именовали, дипломатической революции¹³. Но Евгений Савойский последствия этого договора уже не мог видеть. Трудно сказать, приветствовал бы он, ярый противник Бурбонов, союз Хофбурга и Версаля?

В последние годы жизни он уделял больше внимания заботам о своем состоянии, дворцах, библиотеке и покровительству наукам и искусствам, что не было редкостью для аристократии того времени. Принц Евгений был холост, детей не имел, что давало ему возможность использовать свои огромные средства на вышеуказанные цели. Богатства Евгения начали создаваться, когда ему еще не было и двадцати пяти лет. В начале 1688 г. герцог Савойский Виктор Амедей подарил ему освободившиеся после смерти одного из членов Савойского дома аббатства Сан Микеле делла Чиуза и Санта-Мария ди Казанова в Савоие-Пьемонте. Так Евгений стал аббатом и мог им оставаться до тех пор, пока сохранял целибат. Конечно, он не исполнял функций священнослужителя, что случалось нередко, а исполнял их за него его заместитель. Часто вставал вопрос, а не был ли Евгений Савойский гомосексуалистом. Никаких доказательств этого нет, как замечают некоторые современные специалисты, мраморная скульптура Бальтазара Пермозера «Апофеоз принца Евгения», созданная в 1718-1721 гг., хорошо показывает, насколько он был холодным и отчужденным¹⁴.

Для современников и потомков Евгения Савойского придворное общество во дворце монарха и вельможи значило больше, чем само здание дворца и его внутреннее убранство. Этим объяснялось огромное внимание к устройству садов и парков, которые были важны для общения. В садах и парках ставилось большое количество статуй, размещались разного рода раритеты, в том числе растения, вольеры с редкими животными со всего мира. В XVII–XVIII вв. на всем дунайском пространстве Империи большое влияние имела романская культурная волна, то есть влияние итальянского и испанского Барокко. Императорская семья владела не только Хофбургом, но и загородным дворцовым комплексом Шенбрунн с огромным парком, находящимся теперь на западной окраине Вены. Императорам подражали княжеские фамилии Шварценбергов, Лихтенштейнов, Кински, Траутсонов, Ауэрспергов и Лобковичей в Вене, Эстерхази в Венгрии. На них работали лучшие архитекторы, скульпторы и художники: Иоганн Лукас Гильдебранд, Мартино Альтомонте, Бальтазар Пельмозер, Доминик Жирар и др.¹⁵

Естественно, Евгений в соответствии со своим положением не жалел средств на строительство дворцов. После получения звания фельдмаршала он приобрел два старых здания на Химмельпфортгассе для возведения городского дворца. Несмотря на сохранение старых стен, архитектору Иоганну Фишеру фон Эрлаху, которого Евгений Савойский выбрал за то, что тот учил искусству архитектуры наследника престола и являлся автором проекта строительства Шенбрунна, удалось создать новое здание. Его городской дворец в Вене, в котором он принимал 9 июля 1711 г. турецкое посольство, отличался великолепным фасадом. Но самый красивый дворец Евгения располагался в предместье Вены – это был знаменитый Бельведер, построенный по проекту Иоганна Лукаса фон Гильдебрандта и превосходивший даже Шенбрунн по архитектурным достоинствам, но с меньшим парком. Всякий, кто посещает Бельведер, восхищается изяществом и совершенством архитектурных форм небольшого по размерам Верхнего Бельведера, находящегося на пригорке, откуда открывается чудесный вид на Вену, и павильонными достоинствами Нижнего Бельведера. Там же в Бельведере располагался зверинец, доставшийся впоследствии императорской семье. Евгению принадлежал также дворец в Мархфельде, приобретенный после смерти принца императорской фамилией. Кроме того, в 1698 г. было начато строительство загородного дворца в Ракеве на острове Чепель на Дунае в Венгрии, а затем в 1708 г. в Белье в местности между Дунаем и Дравой. В начале 1725 г. в возмещение потерь, связанных с отставкой с должности штатгальтера Австрийских Нидерландов, император Карл VI подарил Евгению Савойскому поместье

Оберсибенбрунн, где по проекту Доминика Жирара был построен дворец с парком. Эти дворцы с парковыми ансамблями, как считают специалисты по истории искусства, показывают прекрасный вкус и любовь к искусству Евгения Савойского, что вообще-то было характерно для высшей аристократии того времени, но не всегда являлось достоинством военачальников¹⁶.

Евгений Савойский был большим библиофилом не только потому, что это было модно, он действительно разбирался в литературе и немало читал, что позволяло ему вести переписку с французскими просветителями Франсуа Мари Аруэ Вольтером и Шарлем Луи Монтескье, а также общаться с выдающимся немецким ученым, историком и философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Он имел в библиотеке знаменитый текст, где Лейбниц изложил свое учение о монадах. Этой библиотекой больше, чем предметами искусства во дворцах Евгения, восхищалась леди Мэри Вортли Монтегю, побывавшая в 1716–1717 гг. в Вене и принятая Евгением Савойским в его городском дворце. Его агенты покупали книги в Лондоне и Париже, способствуя созданию репутации Евгения в большей степени как философа, чем как военного и политика. В декабре 1713 г. шеф парижской полиции д'Аржансон писал министру иностранных дел маркизу де Торси, что известный переплетчик Буайе, сын королевского переплетчика, отъезжает в Вену для службы у Евгения Савойского. Согласно опубликованному в Гааге уже после смерти принца каталогу его библиотеки там числились 6731 книга, 56 рукописных записок известных ученых и 252 ценных рукописи, в том числе единственная известная карта дорог Римской империи в копии XII-XIII вв. По современным данным, в библиотеке насчитывалось 15 тыс. печатных единиц. Во время переговоров в Раштатте и направленных против него интриг в сентябре 1712 г. при венском дворе он находил успокоение в чтении. Евгений Савойский часто читал исторические книги, как писал один из современников, хорошо его знавший и восхищавшийся им, французский поэт Руссо, он часто приводил цитаты из знаменитых римских поэтов времен Октавиана Августа (очевидно, Вергилия и Горация. – Ю.И.) и имел репутацию «философа-воина»¹⁷.

Хорошие отношения с Лейбницем не были случайными. С самым крупным мыслителем Германии того времени Евгений Савойский познакомился во время своего посещения Ганновера в апреле 1708 г. (Лейбницу тогда было 62 года). Лейбниц ведь был известен и как политический советник ряда правителей Германии, в т.ч. курфюрста Ганноверского. Спустя два года Евгений имел доверительную переписку с Лейбницем, кроме того, последний, являвшийся к тому же историком и знатоком имперского права, был назначен Карлом VI имперским советником в начале 1712 г. В декабре того же года Лейбниц появился в Вене, чтобы предложить план создания Академии наук, о чем он долго беседовал зимой и весной 1713 г. с Евгением. Но в мае 1713 г. принц отправился на Верхний Рейн продолжать военные действия, а Лейбниц без особого успеха пытался осуществить свою идею в Вене. Когда Евгений Савойский прибыл в Вену на пасху 1714 г., Лейбниц приветствовал его в латинских стихах, как полководца и знатока искусств и наук. Особенно философ подчеркивал роль Евгения как победителя турок. Но вскоре ганноверский курфюрст, ставший английским королем, потребовал возвращения Лейбница в Ганновер. Переписка философа с принцем продолжалась, но смерть Лейбница 14 ноября 1716 г. означала и погребение надолго идеи Венской академии наук. Несколько позднее 25-летний начинающий писатель и философ, будущий великий французский просветитель Вольтер в 1719 г. через своего друга поэта Руссо прислал Евгению первое издание трагедии «Эдип», в ответ полководец выразил желание получить новые произведения Вольтера: в 1722 г. из Франции был прислан в дар экземпляр «Генриады», эпоса о Генрихе Бурбоне, вызвавшего комплименты принца. Но с самим Вольтером Евгений так и не встретился. Зато он имел кратковременное знакомство с другим французским просветителем – Шарлем Луи Монтескье, когда тот прибыл в Вену в апреле 1728 г., благодаря послу Франции герцогу Ришелье. Евгений Савойский благожелательно отнесся к 40-летнему автору острокритических «Персидских писем»¹⁸.

Очевидно, стремление французских просветителей познакомиться с Евгением Савойским было не случайным и определялось не только желанием заручиться поддержкой знаменитого полководца и политика. Было ли оно и опасным, учитывая нелюбовь принца к французской монархии? В этом отношении заслуживает внимания эпизод, связанный с пересылкой Евгению Савойскому ректором Сорбонны Шарлем Коффином в марте 1719 г. публичной декларации, в которой университет выступил с критикой изданной папой Климентом XI буллы «Unigenitus», направленной против яansenизма, широко распространенного во Франции и предъявлявшего строгие моральные требования к католическому духовенству. В сопроводительном письме ректор Сорбонны обращался к принцу не только как к «славнейшему из христианских полководцев» (заметим, что это было после побед при Петер-

вардейне и Белграде), но и как к любителю литературы, с просьбой о поддержке идеи о созыве церковного собора для оспаривания этой буллы. В Париже были хорошо информированы о проводимой Евгением в Австрийских Нидерландах политике веротерпимости. К тому же он был известен как сторонник чистой католической веры и противник ультрамонтанов, то есть ревностных приверженцев римского папства. Спустя несколько лет сам Евгений своим указом запретил в Австрийских Нидерландах принуждать верующих к исполнению папской буллы. Его позиция, конечно, объяснялась во многом государственным интересом, а именно стремлением не разжигать, а, напротив, успокаивать вероисповедные страсти, тем более что он совершенно не доверял папскому престолу (из отношений Вены и Рима в последние десятилетия это было очевидно) и иезуитам, особенно старавшимся проводить в жизнь исполнение этой буллы. Принц был проводником той линии в отношении Рима, которая была продолжена Марией Терезией, Венцелем Антоном Кауницем и особенно Иосифом II¹⁹.

«Король учтивых людей» Евгений Савойский создал круг друзей, среди которых он чувствовал себя комфортно, среди которых ему было одинаково хорошо как во время бесед об искусстве и литературе, так и во время охоты. О его юных годах в Париже известно очень мало. О них мог бы поведать его спутник по бегству из Франции в 1683 г. Луи Арман де Конти, но тот, как мы знаем, умер спустя два года. Во время походов в Венгрию и Испанию Евгений дружил с Шарлем Коммерси и Шарлем Водемоном, происходившими из боковой линии Лотарингского дома. Но Коммерси погиб в 1702 г. в бою при Луццаре, а Водемон скончался через два года в Италии же от малярии. В более поздние годы, как уже упоминалось, великий полководец находился в довольно дружеских отношениях с Фридрихом Карлом фон Шенборном, а во время войны за испанское наследство сблизился с герцогом Мальборо. Что касается его отношений с женщинами, то здесь много неясного. Во всяком случае, долго существовавший штамп относительно того, что Евгений Савойский не допускал никаких безумств с женщинами, довольно точен. Утверждение о том, что в годы своей печальной юности он совсем не имел контактов с женщинами, односторонне – его, впрочем, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Уверения его врагов, что Евгений Савойский культивировал такие отношения с женщинами, которые он использовал для укрепления своей власти, также мало соответствуют действительности. В дипломатических донесениях, как отметил М.Браубах, об этом найдется мало сведений. Например, шведский резидент Штирнхек, отправлявший тайные донесения французскому двору, упоминал в марте 1713 г., что генерал Тюркхайм для того, чтобы получить пост генерального военного комиссара, несколько лет назад женился на любовнице Евгения Савойского, дочери графини Зальбург. Но это утверждение ложно, поскольку генерал женился на Марии Максимилиане Зальбург еще в 1698 г. и имел от этого брака четырех сыновей и двух дочерей, то есть отношения должны были бы начаться до 1698 г. Между тем шведский резидент прибыл в Вену только в 1707 г., и его информация основывалась на слухах, которые больше никто не подтверждал. Но, разумеется, единственной женщиной, которая играла значительную роль в его жизни, была уже упоминавшаяся графиня Элеонора Баттьяни, о дружбе которой с принцем знали и говорили при всех европейских дворах. О Евгении Савойском говорили как о возможном отце ее двух сыновей, которые впоследствии как графы и князья Баттьяни-Штратманны играли существенную роль на государственной и военной службе в габсбургской монархии. Но из собственноручных писем принца и графини такой вывод сделать нельзя. Французский посланник де Люк в сентябре 1715 г. писал, что из дам, друживших с Евгением, можно составить маленький двор, в котором наибольшее влияние на принца оказывала графиня Баттьяни. Говорили даже, что если императрице Елизавете Христине ее супруг Карл VI не рекомендовал говорить о политике, то графине Баттьяни было позволено повелевать Империей. О подруге графини Баттьяни, графине Элеоноре Штратманн, также говорили как о любовнице Евгения Савойского, якобы даже не имевшей дворянского происхождения. Но и это утверждение было из разряда курьезных, ибо ей к моменту знакомства было уже за сорок лет, и вряд ли она могла вызвать энтузиазм принца, тем более, судя по всему, Евгений никогда не был любвеобильным. Обе Элеоноры были для него прежде всего умными собеседницами, к которым принадлежали также еще некоторые уже немолодые дамы, как, например, княгиня Лихтенштейн, графиня Виндишгрец, вдова умершего в 1727 г. президента имперского придворного совета, а также графини Мартиниц и Кински. В конце 1734 г. распространялись слухи, что скоро Евгений женится на графине Баттьяни, которой отойдет все его имущество. Но, как и другие слухи, они остались только слухами²⁰.

После своего последнего и, увы, бесславного похода 1734 г. Евгений Савойский не захотел больше никуда выезжать из Австрии. 27 октября 1735 г. он присутствовал на приеме в честь жениха Марии Терезии герцога Франца Стефана Лотарингского. Ему стало хуже от простуды, и он не смог посетить собрание кавалеров ордена Золотого руна. В начале января кашель усилился, в феврале врачи уже ду-

мали, что наступают последние дни великого полководца. 20 апреля его посетили гости. Пока они беседовали, принц Евгений удалился в свою спальню, где в ночь на 21 апреля он скончался. Когда утром гости вошли в спальню, он был уже мертв. Врачи констатировали смерть от воспаления легких²¹.

Император Карл VI оставил в своем дневнике 21 апреля запись: «В половине девятого утра – известие, что принц Евгений Савойский, который с 83 года находился на службе моего Дома, с 1703 г. был президентом военного совета, мне служил с 1711 г., был найден в постели мертвым после продолжительной болезни. Боже, помилуй его душу. В его 73 года». В другой заметке в том же дневнике можно прочитать: «Теперь все пойдет в правильном направлении, лучшем порядке». Как видно, император воспринял смерть великого полководца не как потерю, а скорее как облегчение. Предложение поместить сердце покойного рядом с сердцами членов Габсбургского дома в церкви Святого Августина он отклонил, но все же приказал отдать с большой помпой последние почести знаменитому полководцу габсбургских армий. В соборе Святого Стефана был сооружен роскошный траурный помост по эскизу Иоганна Лукаса фон Гильдебрандта. После торжественного погребения Карл VI приказал построить в Вене богато украшенный мавзолей, чтобы показать, что Дом Габсбургов чтит все заслуги Евгения Савойского. По углам позолоченного гроба были поставлены статуи, символизирующие добродетель, честь, осторожность и уважение. Украшала саркофаг конная статуя полководца в одеянии римского императора. По бокам саркофага были изображены сцены многочисленных битв, в которых побеждал Евгений Савойский. С 10 по 13 июля того же года в Вене происходили торжества по случаю завершения строительства мавзолея. Но каким контрастом по сравнению с пышными похоронами и увековечиванием памяти Евгения Савойского стала история, точнее, трагикомедия с его наследством. После смерти в ноябре 1734 г. своего внучатого племянника Евгений не принял никакого решения по поводу завещания. Ходили слухи, что он оставил все свое наследство императору, из которого 500 тыс. гульденов предназначались венскому дому инвалидов в знак уважения к солдатам, с помощью которых «он сделал свое дело». Но это были только слухи. На наследство предъявили претензии потомки дяди Евгения из рода Кариньянов, в связи с чем в Хофбурге были очень обеспокоены проблемой перехода владений и ценностей покойного к итальянской династии. К всеобщему удивлению выяснилось, что все имущество принца Евгения досталось его племяннице Виктории, дочери старшего брата, родившейся в 1684 г., уехавшей в детстве из Парижа и выросшей в Турине. Так и не выйдя замуж, она поступила в один из туринских монастырей и жила в нем в качестве светской дамы на деньги от наследства матери, умершей в 1717 г. Сам принц не верил в серьезность ее намерений обратиться в монахини и советовал ей вернуться в родовое владение Шамбери в Савоие. Каково же было ее удивление, когда она узнала, какое наследство досталось ей на шестом десятке. Через Швейцарию она приехала в Вену 6 июня 1736 г., приняла участие в траурной церемонии в соборе Святого Стефана и затем вступила во владение наследством. По Вене ходили насмешливые стишки вроде такого «Возможно ли, что принца Евгения слава потухла с помощью мерзкой Виктории?». Но это был не конец трагикомедии с наследством. 15 апреля 1738 г. Виктория вышла замуж за принца Иосифа Фридриха Саксен-Хильдбургхаузена, который был на двадцать лет моложе. Этот саксонский аристократ в 1727 г. перешел из лютеранства в католицизм, через несколько лет после обращения стал фельдцейхмейстером, находился в тесных отношениях с графом Бартенштейном. В походе 1737 г. против турок он не снискал себе славы. Но он мог утешиться выгодным, хотя и неравным браком. Виктория подарила своему мужу усыпанный драгоценностями меч, который пожаловала Евгению Савойскому английская королева Анна, а также капитал в 300 тыс. гульденов и поместье Шлоссхоф. Но когда принц стал устраивать ей сцены и говорить с ней высокомерно, она сочла это недопустимым для себя как члена Савойского дома, из-за чего пошли разговоры о разводе. Но в те времена такие дела в католических странах быстро не решались. Наконец, в 1744 г. при посредничестве сардинского короля были решены имущественные споры: две трети имущества были возвращены Виктории, одна треть досталась Хильдбургхаузену. В 1752 г. Виктория уехала в Турин, где в октябре 1763 скончалась. Ее бывший муж достиг звания генерал-фельдмаршала, потерпел поражение от пруссаков при Росбахе в 1757 г., вел роскошную жизнь и умер в начале 1787 г. Виктория мало что понимала в искусствах и науках, в результате чего все частные документы и корреспонденция дяди, а также рукописи были утеряны. Библиотека, а также скульптуры и гравюры были проданы императорской семье. Она увезла с собой 175 картин в Турин, часть из которых теперь находится в Туринской галерее, тогда как остальные были увезены французскими генералами во время оккупации Пьемонта войсками революционной армии. Шлоссхоф купила Мария Терезия за 400 тыс. гульденов. Остальные дворцы и сады были куплены императорской семьей за 100 тыс. гульденов и ежегодную ренту в 15 тыс. гульденов. Так Бельведер Евгения Савойского стал императорским Бельведером²².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. IV, Wien, 1965. S. 238–243, 280, 281; *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn u.a., 1997. S. 36.
- ² *Duchhardt H.* Op. cit. S. 277, 281; *McKay D.* Prince Eugene of Savoy. L., 1977. P. 220–226.
- ³ *Braubach M.* Friedrich Karl von Schönborn und Prinz Eugen // *Braubach M.* Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jh. Gesammelte Abhandlungen. Bonn, 1969. S. 305–307; *Armeth A.* von. Prinz Eugen von Savoyen. Wien, 1865. Bd. 3, S. 334.
- ⁴ *Braubach M.* «Le Diable». Ein Mentor von Friedrich des Grossen als Agent des Prinzen Eugen // *Braubach M.* Diplomatie... S. 437–453.
- ⁵ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen. Bd. IV, S. 317–320, 337–349; *Weber H.* Prinz Eugen und Frankreich // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / Hrsg. von J.Kunisch. Freiburg; Würzburg, 1986. S. 110, 111; *Duchhardt H.* Op.cit. S. 30.
- ⁶ *Otruba G.* Das österreichische Wirtschaftssystem im Zeitalter des Prinzen Eugens // Prinz Eugen von Savoyen... S. 57–59 etc.; *McKay D.* Op.cit. P. 127; *Duchhardt H.* Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart, 2003. S. 259.
- ⁷ *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797. L.; N.Y., 2003. P. 232–235.
- ⁸ *Duchhardt H.* Balance of Power... S. 120, 121; Idem. Europa am Vorabend... S. 242, 243, 268, 269.
- ⁹ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. IV, S. 116, 117, 146–149, 198–205.
- ¹⁰ *Ibid.* Bd. III, S. 330–333; Bd. IV, S. 68–71, 84, 85, 94, 95.
- ¹¹ *Armeth A.* Op.cit. Bd. III, S. 334; *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. IV, S. 232, 233, 316, 317; *Aretin K.O.* von. Das Alte Reich. Bd. II: Kaiserstradition und österreichische Großmachtspolitik (1684–1745). Stuttgart, 1997. S. 333–337.
- ¹² *Шмидт Г.* Карл VI (1713–1740) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов н/Д., 1997. С. 257; *Duchhardt H.* Balance of Power... S. 294–299; *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. B., 1998. S. 286.
- ¹³ *Braubach M.* Versailles und Wien von Ludwig XIV bis Kaunitz. Die Vorstadien der diplomatischen Revolution im 18 Jh. Bonn, 1952. S. 172–185, 266–275.
- ¹⁴ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. V, S. 14, 15; *Vocelka K.* Österreichische Geschichte 1699–1815. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2003. S. 46.
- ¹⁵ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. 5, S. 60, 61; *Schilling H.* Op.cit. S. 364, 365; *Vocelka K., Heller L.* Die Lebenswelt der Habsburger. Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie. Graz; Wien; Köln, 1997. S. 88, 230.
- ¹⁶ *Rizzi W.* Prinz Eugen als Bauherr // Österreich und die Osmanen-Prinz Eugen und seine Zeit / Hrsg. von E.Zöllner und K.Gutkas. Wien, 1988. S. 230–238.
- ¹⁷ *Armeth A.* Op.cit. Bd. 3, S. 62, 63; *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. 5, S. 92–115; *Vocelka K., Heller L.* Op.cit. S. 110.
- ¹⁸ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. 5, S. 170–173, 180–183.
- ¹⁹ *Braubach M.* Prinz Eugen und der Jansenismus // *Braubach M.* Diplomatie... S. 530–545.
- ²⁰ *Braubach M.* Prinz Eugen von Savoyen... Bd. 5, S. 146–155.
- ²¹ *Ibid.* S. 200, 201, 318–321.
- ²² *Ibid.* S. 322–323; *Vocelka K.* Österreichische Geschichte... S. 43.

Поступила в редакцию 01.09.09

Yu. Ivonin, *doctor of history, professor*
Eugene of Savoy: last years of life

The article is devoted to the last years of life of the Austrian famous military commander and politician prince Eugene of Savoy. The author characterizes his politics, successes and failures, his interests in literature and arts. Especial attention is devoted to his connections with the scientists and writers, the circle of his friends.

Keywords: Eugene of Savoy, Hofskriegsrat, the Habsburgs, diplomacy, patronage.

Ивонин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор
 ГОУВПО «Смоленский государственный университет»
 214000, Россия, г. Смоленск,
 ул. Пржевальского, 4
 E-mail: juri_ivonin@rambler.ru